

МОТИВ ДРУГОГО В РОМАНЕ ИВАНА ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ» (В СВЕТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВА В ТРИЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ)

Мария Лоскутникова

Московский городской педагогический университет
Кафедра русской литературы и фольклора

Как свидетельствуют специалисты Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН), библиография опубликованных произведений Ивана Гончарова и литературы о нем огромна – она «насчитывает около 7000 позиций (не считая текстов, инсценировок и статей о театральных и кинематографических постановках)»¹. Однако следует отметить, что многое в гончароведении до сих пор остается либо недостаточно разработанным, либо незамеченным.

Постановка проблемы и ее обоснование

В телеологическом единстве романного видения Гончарова на первое место выходит сравнительно-сопоставительная картина мира. В научной литературе неоднократно писали о том, что именно принцип сопоставления и противо-

поставления отличает «конструкцию» романов Гончарова от построения романов иных русских авторов. Доказательно эта позиция развита в работах В.А. Недзвецкого, который подчеркивает, что «различные сопоставления и противопоставления основных структурных единиц», а также «повторы или вариации ряда опорных ситуаций и сцен» и романские «лейтмотивы» стали в романах Гончарова «самыми результативными»².

Однако это и подобные утверждения еще не объясняют феномен гармонического стиля Гончарова. Стиль как «последняя реальность художественного лика»³ – это система закономерностей художественной формы произведения, обусловленной авторским «заданием», т.е. стиль – явление телеологическое.

¹ А.В. Романова, ««Обломов» с акцентом», *Обломов: константы и переменные: Сб. науч. ст.* Отв. ред. и сост. С.В. Денисенко, С.-Петербург: Нестор-История, 2011, с. 235.

² В.А. Недзвецкий, *Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту*, Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2010, с. 45.

³ А.Ф. Лосев, «Диалектика художественной формы», *А.Ф. Лосев, Форма. Стиль. Выражение.* Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова, Москва: Мысль, 1995, с. 153.

Таинство стилевой пластики в романах Гончарова заключается в том, что приемы сопоставления и противопоставления на структурно-композиционном уровне всемерно поддержаны сравнением как фигурой речи на стилистическом уровне, поскольку в романной стилистике писателя на первое место по частотности использования разнообразных фигур поэтической лексики и поэтического синтаксиса выходит сравнение. Иными словами, в телеологическое созвучное взаимодействие приведены оба уровня носителей стиля. Так, в ходе количественно-статистического анализа в романе «Обыкновенная история» выявлено более 460 сравнений как речевых фигур, в романе «Обломов» – более 810, в романе «Обрыв» – более 1640. Для компаративистского осознания характера и природы этой закономерности следует соотнести эти цифры с общим объемом гончаровских текстов, а затем обратиться к аналогичным данным в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором «по приблизительному подсчету» обнаружено более 600 сравнений⁴. Это соотнесение с очевидностью оттеняет ведущую конструктивную особенность романов Гончарова.

В свою очередь, исходной точкой отсчета любой сравнительно-сопоставительной перспективы – будь то структурно-композиционный уровень или уровень стилистики – становится обращение Гончарова к проблеме *Другого*

20. В настоящей статье будет показано, как происходило движение означенной авторской мысли от романа к роману и как гармонически-многоярусно она развивается в вершинном романе писателя – «Обрыв».

Телеологически последовательное обращение к сознанию *Другого* является особой гранью сравнительно-сопоставительного принципа изображения в романистике Гончарова. Это обнаруживается на обоих уровнях носителей стиля – архитектурном и структурно-композиционном, во-первых, и, во-вторых, стилистическом. На последнем наблюдается акцентирование этого факта определяющим местоимением (с выделяющим значением) «другой». Иными словами, телеология гончаровского стиля актуализирует значимые функции героя(ев) в сюжетосложении, предусматривающие взаимодействие с инокультурным восприятием действительности, и «всеведающие» функции повествователя; при этом аксиологические аспекты экзистенциального смысла наращиваются с каждым концептуально-сюжетным маркированием «другой».

Исследователи о проблеме *Другого* в творчестве Гончарова

В гончароведении до сих пор не было явной исследовательской тенденции, ориентированной на изучение проблемы *Другого* в романистике писателя. Однако нельзя сказать, что на эту грань авторского мировидения вообще не обращали внимания.

Так, при хронологическом освещении фактов необходимо в первую оче-

⁴ О.Ю. Громова, «Сравнения в “Войне и мире” Л.Н. Толстого», *Поэтика литературного произведения: Сб. ст. в честь 70-летия Л.В. Чернец*. Под ред. Г.И. Романовой, Москва: МАКС Пресс, 2010, с. 155.

редь указать на позицию Л.М. Лотман, отметившей разговор главного героя романа «Обломов» с Захаром в 1-й части произведения, когда слуга позволил себе сравнить своего хозяина с некими абстрактно-внесценическими «другими», которые с легкостью переезжают – в силу обстоятельств – с квартиры на квартиру. Л.М. Лотман, написавшая свою главу в академическое издание «Истории русской литературы» тридцать лет назад, объяснила крайнее недовольство Обломова словами слуги социальным смыслом этих высказываний, когда помещик в условиях крепостного права жил с убеждением в праве на «звание» благодетеля крестьян – «отца» (по уточнению ученого, «отец – единственный, ни с кем не сравнимый человек»), а с «конкурентами» на служебной лестнице Обломов соперничать не захотел⁵.

«Другой» мир в том же романе Гончарова привлек внимание А.А. Фаустова. Петербургская жизнь героя – «чужое» пространство в романе. Основными чертами этого «другого» мира названы «анонимность, тотальность и агрессивность», а орудиями «других» – «взгляд и смех», в результате чего надо «стать для “других” невидимым»⁶. «Крупным планом», по мнению исследователя, «“другой” мир воплощен в Штольце, однако герой этот более многомерен», свидетельством чего является его при-

вязанность к Обломову, которая вместе с тем не исключает неприязни Штольца «ко всякой бьющей через край жизни». Несколько позже А.А. Фаустов представил вопрос о *Другом* в ракурсе проблемы психологии художественного творчества, актуализировав, тем не менее, творчество Гончарова. Смысл такого обращения сформулирован как некая сфера самореализации автора, когда «отделяя себя от себя, художник творит своего *объективированного* двойника, *Другого*, – но тогда и спасает он не себя, а этого *Другого*»⁷.

В ином свете взглянул на проблему *Другого* в том же романе «Обломов» Ю.В. Манн. В начале 1990-х гг. он писал: «Жизнь Обломова-взрослого – это уже дважды неуместное прошлое, ибо не только мир другой, но и герой стал или, вернее, должен был стать другим»⁸.

Эту идейно-художественную особенность романов Гончарова (и также только в романе «Обломов») актуализировали, главным образом, зарубежные исследователи либо исследователи, оказавшиеся за рубежом. В этом обнаруживается, вероятно, та грань мировидения Гончарова, которая свойственна в большей мере западному сознанию.

Упоминание о проблеме *Другого* находим в книге профессора Гарвардского университета Всеволода Сечкарева (Vsevolod Setchkarev), когда исследователь обращается к уже отмеченному

⁵ Л.М. Лотман, «И.А. Гончаров», *История русской литературы: В 4 т.* Ред. колл.: Н.И. Пруцков (гл. ред.) и др., Ленинград: Наука. Ленингр. отд., 1982. Т. 3, с. 181.

⁶ А.А. Фаустов, *Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Художественная структура и концепция человека*: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук, Тарту, 1990. Здесь и ниже цит. с. 12, 13.

⁷ А.А. Фаустов, *Авторское поведение в русской литературе: Середина XIX века и на подступах к ней*, Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997, с. 47.

⁸ Ю.В. Манн, «Дополнение: Гончаров как покровитель», *Ю.В. Манн, Тургенев и другие*, Москва: РГГУ, 2008, с. 428.

разговору героя с Захаром, сравнившим хозяина с «другими». Однако в качестве «других» Вс. Сечкарев видел иные фигуры: прежде всего визитеров Обломова – Волкова, Судьбинского, Пенкина, Алексеева и затем Тарантьева⁹.

Более развернутая позиция в рассмотрении проблемы представлена в работе Ричарда Писа (Richard Peace), который в своей монографии, посвященной роману «Обломов», подчеркивал значимость «темы “Других”» (“the theme of others”) и акцентировал внимание на «важном мотиве, проходящем через весь роман, – мотиве “других людей”» (“an important motif running through the novel – ‘other people’”. 35, 30)¹⁰. Р. Пис указывает на различные аспекты этой проблемы, обратившись к взаимосвязям персонажей в рамках художественного целого. В справедливом понимании исследователя, первой важнейшей взаимосвязью является совместное существование Обломова как барина и Захара как слуги, в силу чего развитие мотива *Другого* начинается с обращения Гончарова к ценностям и антиценностям «социальной подчиненности» (“social inferiority”. 29, 30). Английский исследователь достаточно подробно рассматривает сцену, когда Захар, «все не понимавший, что хочет барин», «жалобно» признает: «Вы совсем другой!» (IV, 94)¹¹. Р. Пис видит в

таком завершающем этапе разговора барина и слуги комическое разрешение конфликта, однако продолжающийся внутренний монолог главного героя приводит его, по мысли автора монографии, к наполнению понятия «другой» противоположным – глубоко драматическим – смыслом, вслед за чем Гончаров дает главу «Сон Обломова» (34). Как «других» по отношению к Обломову Р. Пис рассматривает визитеров, посетивших квартиру героя первого мая, а также ряд внесценических персонажей (29-31). Однако – что еще важнее – «другой» по отношению к герою оказывается и Ольга Ильинская. В главе 10 (2-я часть) – в сцене, последовавшей за письмом героя к Ольге и за ее реакцией на это письмо, – представления о «другом» наполняют Обломова неким смыслом «высшего спасения» и одновременно страха (“in Part II Chapter 10 the concept of the ‘other’ comes to him as a salvation”, “also the fear of ‘other’”. 37). При этом по-настоящему «другой» (но в ином плане) становится для Обломова Агафья Пшеницына. Р. Пис пишет о том, что если страх перед «другими» является решающим фактором охлаждения героя к Ольге, то этой данностью становится присутствие в его жизни «другой» женщины, при которой разрыв оказывается неизбежным (“if the fear of ‘others’ is a decisive factor in the cooling of his relationships with Olga, it is the presence of ‘another’, Agaf’ya Matveyevna Pshenitsyna, which makes the break inevitable”. 38).

⁹ Vsevolod Setchkarev, *Ivan Gontcharov: His Life and His Works*. Würzburg: Jal-Verlag, 1974. (Colloquium slavicum; 4). P. 135.

¹⁰ Richard Peace, *Obломov: A Critical Examination of Goncharov’s Novel*. Birmingham, 1991. VII. (Birmingham Slavonic Monographs. No 20). Здесь и ниже стр. указ. в круглых скобках.

¹¹ Здесь и далее произведения И.А. Гончарова

цит. по изд.: И.А. Гончаров, *Собр. соч. в 6-ти тт.* Под общ. ред. С. Машинского, Москва: Правда, 1972.

Кроме того, в разговор о проблеме Другого в романе «Обломов» включился Анри Труайя. В своем объемном очерке жизни и творчества Гончарова французский писатель, как и иные исследователи, увидел ситуацию, когда покой Обломова, «случается, <...> тревожат “другие”, те, кто живет»¹². К этому мотиву «живого – мертвого» в романе обращаются также П. Вайль и А. Генис, подчеркивая, что для Обломова и Захара, потерявших в своем споре взаимопонимание, «“другие” – это чужие, странные существа, посторонние их укладу»¹³. При этом авторы «Уроков изящной словесности» справедливо утверждают, что «самое страшное для Обломова – потерять <...> уникальность своей личности, слиться с “другими”», в силу чего роман превращается в «спор Обломова с “другими”», но «у мертвого нет надежды победить живых».

Е.Г. Эткинд также проблему Другого видел в романе «Обломов». С его точки зрения, главный герой искаженно понял слово «другие», и связано это с «много-слойностью психологии Обломова»¹⁴. «Обломов, – писал Е.Г. Эткинд, – инстинктивно отличает себя от “других”, способных к действиям, людей и завидует этим “другим”». Во 2-й и 3-й частях романа, в которых писатель пока-

¹² Анри Труайя, «Милльон терзаний» Ивана Александровича Гончарова. Пер. с фр. М.А. Руновой, Москва: Центр Книги Рудомино, 2012, с. 90.

¹³ П. Вайль, А. Генис, «Обломов и “другие”. Гончаров», П. Вайль, А. Генис, *Родная речь: Уроки изящной словесности*, Москва: Независимая газета, 1991. Здесь и ниже цит. с. 123, 124.

¹⁴ Е.Г. Эткинд, «Внутренний человек» и внешняя речь: *Очерки психопозитики русской литературы XVIII-XIX веков*, Москва: Языки русской культуры, 1999. Здесь и ниже цит. с. 133, 135, 145.

зал развитие любовной истории героя и Ольги, Обломов и его возлюбленная «думают каждый про себя о другом – и о собственном поведении относительно другого». В результате, подчеркивал исследователь, возникает «двойной диалог: внешний и внутренний, условный и подлинный, высказанный и утаенный».

В настоящее время, на гребне нарастающего интереса к творчеству Гончарова (в том числе связанного с тем, что в 2012 г. широко отмечалось 200-летие со дня рождения писателя), появился целый ряд «любительских» публикаций.

Однако и в них можно обнаружить верную констатацию того, что Обломов не хочет быть, как другие чиновники: «Он подал в отставку, устав от необходимости быть таким, как “другие”», да и Агафья «не станет, подобно Захару, равнять Илью Ильича с “другими”»¹⁵.

Таким образом, проблема Другого в романистике Гончарова оказалась связанной только с одним романом, т.е. замечания и суждения касались исключительно романа «Обломов», что справедливо и несправедливо одновременно. Справедливо, поскольку проблема Другого действительно достигает во втором романе писателя системно-концептуальных высот. Несправедливо же в силу того, что постановка и способы решения указанной проблемы в романе «Обломов» – это лишь ступень в авторском мировидении кардинального вопроса «Я и Другой».

¹⁵ В.С. Мериакри, *Заметки о трилогии И.А. Гончарова*, Holon (Israel): Orion Publishing House, 2012, с. 73, 137.

Функциональные особенности мотива *Другого* в романах «Обыкновенная история» и «Обломов»

Проблема *Другого* является для романного творчества Гончарова одной из ключевых. Сосредотачиваясь на личности главного героя (или нескольких главных героев), писатель всегда показывает эти характеры в сопоставлении с окружающими фигурами. Более того, принцип соположения всех и всего в природе и обществе как соотнесение погодных климатических явлений, предметных рукотворных рядов, житейских картин, неповторимо-личностных позиций и проч. является ведущим и организующим в создании художественного мира Гончарова.

Это «авторское задание» последовательно и неуклонно воплощается во всех стилевых данностях романов писателя, начиная с «Обыкновенной истории». В первых двух романах Гончаров проходит значимый для своего индивидуально-творческого отражения действительности путь, когда в «Обыкновенной истории» намечается, а в «Обломове» закрепляется и многопланово развивается обращение к *Другому*. Этот мотив сигнализирует о том, что в сознании героев происходит активизация процессов в осмыслении мира и своего бытия в нем. Пунктирная стилистическая маркировка местоимением «другой» фиксирует сюжетные вехи произведения.

«Необыкновенность» Петра Адуева остается за рамками романного действия. Собственно сюжетная же картина петербургских событий открывается

наставлениями Петра Ивановича, делового человека, племяннику-провинциалу, что все следует делать, как принято, в том числе «любить, как и другие, ни глубже, ни сильнее» (I, 128). При этом дядя добавляет: «ты такой же человек, как другие, а других я давно знаю» (I, 135). С удовлетворением отмечая способности племянника, владеющего, в частности, тремя языками, Адуев-старший с пониманием констатирует: «другие начинали и хуже», однако подчеркивает, что если обнаружится талант – «тогда другое дело» (I, 111, 113), т.е. тогда откроются совершенно иные горизонты. Прощаясь с племянником, отбывающим (как оказалось, временно) в родные места, дядя прозорливо свидетельствует, подготавливая будущее возвращение Александра в Петербург: «ты не хуже других и не лучше, чего я и хотел от тебя»; «Делай все, как другие, – и судьба не обойдет тебя» (I, 319, 320).

Адуев-старший живет с требованием «дело делать» (I, 96). Этот жизненный девиз сопровождает его на всех путях – от чиновничьей и промышленной сфер деятельности до взаимоотношений с людьми. В последнем Петр Иванович оказывается побежденным. Однако неуклонно проводя линию развития характера и личности Александра, Гончаров оставляет в тени внутреннюю эволюцию характера Петра Ивановича, лишь в эпилоге показав его человеком, которому дорога жена и который ради ее здоровья прерывает свой блистательный карьерный взлет. То, как холодный прагматик, живущий любовью к себе и лишь «привычкой» даже к самым близким людям, оказывается способным на

сочувствие, намечено, помимо эпилога, в сюжетном действии лишь пунктирно, когда Адуев-старший спокойно, т.е. как само собой разумеющееся, говорит о себе, что и Пушкина хорошо знает, и фламандскую живопись любит, и проч. О себе он, предложив помочь племяннику с письмом, свидетельствует, что он «ни демон, ни ангел, а такой же человек, как и все» (I, 105). Но при этом уточняет: «только не совсем похож» на юного экзальтированного племянника, только что приехавшего тогда в Петербург, и на его не менее восторженного в тот период приятеля. Вместе с тем если при первой встрече Адуев-старший прямо говорит Александру: «ты и я – большая разница», то в эпилоге столько же лаконично констатирует: «Ты весь в меня», «ты, кажется, идешь по моим стопам», «ты моя кровь» (I, 96, 371-372). Более того, многие годы дядя жестко держит Александра «в некотором удалении от себя», категорически отвергая излишняя чувств в форме объятий и лобызаний, но в отношениях с обновленным – «другим» – племянником позволяет себе «необыкновенный случай», развеяв руки для родственной ласки (I, 87, 372).

В романе «Обломов» акценты принципиально смещаются: герой не хочет быть, как другие. Сходство Александра Адуева и Обломова, приехавших в Петербург в одном возрасте, выражается в том, что Александр повторяет: «Я ничего не хочу, не ищу, кроме покоя, сна души» и «не лучше ли спать и умом и сердцем? Я и сплю» (I, 312, 313). Однако в герое «Обыкновенной истории» это следствие романтической экзальтации,

чего в характере Обломова Гончаров не показывает. Более того, если Александр Адуев приходит к тому, что «гаснет» на родине, в Грачах («что я здесь делаю? Зачем гаснут мои дарования? <...> Там [в Петербурге] тот и другой – все вышли в люди...» I, 349), то Обломов в программном монологе, обращенном к Штольцу как ближайшему другу, состояние, когда он «гаснул», будет связывать с иным: «Нет, жизнь моя началась с погасания. <...> Начал гаснуть я над писанием бумаг в канцелярии; гаснул потом, вычитывая в книгах истины, с которыми не знал, что делать в жизни, гаснул с приятелями, слушая толки, сплетни, передразнивань, <...> гаснул в унылом и ленивом хождении по Невскому проспекту, среди енотовых шуб и бобровых воротников, <...> гаснул и тратил на мелочи жизнь и ум, переезжая из города на дачу, с дачи на Гороховую, определяя <...> всю жизнь — *ленивой и покойной дремотой, как другие...*» (IV, 190-191. Курсив мой. – М.Л.).

Поворотной сюжетно-фабульной сценой является размышление героя после разговора с Захаром, когда «он углубился в сравнение себя с “другим”» (IV, 99), на что, как было сказано выше, обращали внимание все исследователи, касавшиеся проблемы *Другого* в этом романе Гончарова. Преображение же Обломова при встрече с Ольгой вступает в деструктивную, кризисную для сознания Обломова стадию, когда Захар заикнулся о возможной скорой свадьбе, а герой приходит от его слов в ужас и решает «выбить из головы Захара эту мысль», грозно обращаясь к слуге со словами: «Ты мастер равнять меня с

другими да со всеми. Это быть не может!» (IV, 334).

Более подробное освещение этой проблематики в романах «Обыкновенная история» и «Обломов» можно прочесть в опубликованных статьях¹⁶.

Взаимодействие мотива *Другого* и мотива *Свободы* в романе «Обрыв»

Романы Гончарова являются фазами развития единого замысла писателя – своеобразной трилогией, о чем Гончаров писал неоднократно: «Я сам не могу смотреть на свои романы иначе, как в их последовательной связи», это «русская жизнь в трех ее моментах» (VI, 465, 520). Сам Гончаров считал, что эти его произведения являются отражением «трех эпох»: «старой жизни, сна и пробуждения» (VI, 514). Идею «пробуждения» писатель развил в романе «Обрыв», который в письме к А.А. Фету (от 6/18 августа 1869 г.) определил щемяще-сокровенно: «это дитя моего сердца»¹⁷. События и судьбы в этом романе ознаменованы отрешением от «сна». Центральной проблемой произведения становится осознание героями и персонажами *свободы* – у каждого человека разной, *Другой*.

¹⁶ М.Б. Лоскутникова, «Мотив *Другого* в романе И.А. Гончарова “Обломов”», *Вестник ЦМО МГУ. Серия Филология. Культурология. Педагогика. Методика*, 2010, № 3, с. 95-100; она же, «Мотив *Другого* в романе И.А. Гончарова “Обыкновенная история”», *И.А. Гончаров в современном мире*, Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2012 (в печати).

¹⁷ И.А. Гончаров, «Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма», *И.А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми тт.*, Москва: ГИХЛ, 1955. Т. 8, с. 421.

«Другие» представления о жизни – ее смысле, ценностях, мечтах и данностях, приобретениях и потерях – представлены Гончаровым многопланово, в том числе на разных этапах судьбоносных путей героев. Мотив «другого» сознания слит с мотивом *свободы* как жизненной позиции, убеждений либо интуитивного следования за возникающими потребностями, которые не позволяют человеку существовать иным способом.

Гончаров показал не лишённую эгоизма свободу художника Бориса Райского и его муки творчества; деструктивизм поведения как свободу от социально-нравственных обязательств нигилиста Марка Волохова; наивно-счастливое существование Леонтия Козлова и его отгороженность от жизни античной культурой; молодую легкость, свежесть восприятия и открытость миру Викентьева; наконец двух Иванов Ивановичей, представителей одного типа делового человека, но совершенных антиподов, *Других в Другом*, – Аянова и Тушина. Свобода в понимании старшего поколения – это также многополюсное видение мира и себя в нем: это старомодно-благородный образ жизни Тита Никоньча Ватутина, не представляющего жизни вдали от Татьяны Марковны Бережковой; произвол и деспотизм Нила Андреевича Тычкова; «дорогие шалости» (V, 14) Николая Васильевича Пахотина и вмурованность в многовековую гордыню древнего рода его сестер, старых дев Надежды Васильевны и Анны Васильевны. Татьяна Марковна, бабушка (хоть и дальняя по крови) Райского и двух «девочек» – Веры и Марфеньки, явля-

ет собой плоть от плоти русской нации, но при этом совершенно ни на кого не похожа. Идеи этого образа – мудрость, строгость нравственных позиций, духовная сила и душевная чистота, глубина прозрений, обнаруживающаяся в критические моменты жизни, умение распознавать ошибки и преодолевать трудности – проведены сквозь романную толщу к провозглашению в последней фразе произведения значимости «другой великой “бабушки”» – «исполинской фигуры» России (VI, 266).

С образом Веры Гончаров связал проблему «падения», «падшей женщины». Поднимающаяся от сатиры до высот трагизма ирония автора высвечивает совершенно разноплановые характеры, в которых воплотился этот тип: от самих Веры и бабушки Татьяны Марковны до по-своему страдающих гедонистки Ульяны Козловой, горничной Марины с ее кошачьей грацией, экзальтированной Полины Крицкой («слишком карикатурна! Никто не поверит...»), – думает о ней Райский. V, 253) и повинной лишь в незнании жизни Софьи Беловодовой. Антипод для всех женских образов разом – один: это Марфенька, по природе своей ни к какому «падению» не способная. В результате это целая система зеркал – многовариантные отражения *Других* женских судеб в одном типе *Другого*.

В силу этого Гончаров в романе «Обрыв» сравнивает всех со всеми, горстями разбрасывая маркеры «другой». Мелькание этого маркера простирается на понимание героями судьбы и случая, даров любви и дружбы, труда и творчества.

В последнем гончаровском романе мощно звучат интертекстуальные мотивы,

которые были намечены в «Обыкновенной истории» и актуализированы в «Обломове». В многочисленных и разнонаправленных сопоставлениях персонажей «Обрыва» в качестве *Другого* возникают вечный искатель красоты Дон Жуан (сопоставление простирается от Райского до Пахотина и Егорки), вечный проповедник добра и справедливости Дон Кихот (с ним сравнивается Райский, Ватутин и Тушин), а также в плане драматической обороны – Вертер («Времена Вертеров и Шарлотт прошли», – стремится устыдить Райского, преследующего ее, Вера), в пародийно-комическом ключе – Офелия (с которой сравнивает Ульяну Козлову Райский, оказавшийся втянутым в созданную ею нелицеприятную ситуацию; при этом повествователь иронизирует: «Над сравнением себя с Гамлетом он [Райский] не смеялся»), а также исторические и библейские фигуры («Далила Карповна», – грубо переименовывает Крицкую Тычков (V, 11, 341, 360, 460, 384) и др.

Романом «Обрыв» в аспекте проблемы *Другого* занимались практически лишь в свете идейно-политических воззрений. Действительно, если первый роман Гончарова – «Обыкновенная история» – был единодушно одобрен критикой и нашел горячий отклик читателей, а второй – «Обломов» – вызвал полемику, то третий роман был встречен в критике резко отрицательно, причем, как справедливо подчеркивает современный исследователь, разными направлениями¹⁸, хотя читательский инте-

¹⁸ Е. Краснощекова, «Критическое наследие И.А. Гончарова», *И.А. Гончаров-критик*. Вступ. ст. и коммент. Е. Краснощековой, Москва: Сов. Россия, 1981, с. 5.

рес к «Обрыву» был огромен. Трудная судьба романа и отторгающие отзывы о нем в современной Гончарову критике связаны именно с тем, что был показан «другой» – Марк Волохов, и в его орбиту была введена Вера. Достаточно вспомнить позицию М.Е. Салтыкова-Щедрина, который писал, что «Волохов – это пятно нашей современности», Райский – «развинченное существо», а в «авторитеты» в один ряд были записаны «Татьяна Марковна, Тычков, Ватутин и прочая компания», да и в целом, по Щедрина, в романе «наговорено очень много наговорено, по-видимому, даже очень красиво, и вместе с тем не сказано ничего, что могла бы задержать память без исключительных усилий»; в результате, «к сожалению, такого рода неловкий и несвоевременный подвиг совершил г. Гончаров своим романом “Обрыв”»¹⁹.

Историки литературы, к сожалению, пока романом «Обрыв» в аспекте мотива *Другого* не занимались, а это гончаровский камертон. Отметим лишь один аспект проблемы. Так, Н.И. Пруцков, анализируя 5-ю часть романа, упоминал о том, что «трагедия Веры» изменила Райского: «Теперь Райский совсем другой» – отрешившийся от страсти, «сердечный и умный друг»²⁰.

В самом деле, маркер «другой» характеризует сознание прежде всего

Райского, начиная с 1-й части романа – с одновременных разговоров героя с Аяновым, Беловодовой, Пахотинным, Кириловым, а также в ретроспективе с Нагашей и бабушкой. В дальнейшем частотность буквального – маркированного – указания на другое сознание и другие реалии действительности уменьшится, но одновременно укрупнится.

Участие мотива *Другого* в полифоническом напряжении конфликта в романе «Обрыв» (на материале 2-й и 3-й частей романа)

С приездом Райского в Малиновку (с началом 2-й части романа) конфликтообразующая романная система вступает в новую стадию развития. Райский знакомится с губернским городом и приходит к выводу, что «здесь не было ни в ком претензии казаться чем-нибудь другим, лучше, выше, умнее, нравственнее» (V, 229). Герою «нравилась эта простота форм жизни», в которой человек «живет повторениями, <...> все ожидая, что <...> случится что-нибудь другое, чего еще не было, любопытное, радостное» (V, 229). Райский ждет только страсти – иначе «уехал бы искать в другом месте “жизни”» (V, 254).

Гончаров создает серию динамических портретов, глядя на волжскую провинцию глазами повествователя и Райского, сознание которых часто вступает во взаимодействие. (Последнее как «взаимопроникновение» «между речью автора и речью персонажей» и как подвижность «границы между чистой авторской речью и различными формами

¹⁹ М.Е. Салтыков-Щедрин, «Уличная философия: (По поводу 6-й главы 5-й части романа “Обрыв”», *И.А. Гончаров в русской критике: Сб. ст.*, Москва: Художественная литература, 1958, с. 206, 208, 226, 218, 234.

²⁰ Н.И. Пруцков, *Мастерство Гончарова-романиста*, Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962, с. 199.

языка персонажей»²¹ было доказано более шестидесяти лет назад и подтверждено тридцать лет назад как факт сложного синтеза «собственно-авторского» и «чужого», или «получужого», слова²²).

Первым «необыкновенным» человеком Райскому видится бабушка, которая в свою очередь таковым называет внука. (V, 224). Мотив «необыкновенности», сформировавшийся в творческих представлениях Гончарова еще в первом романе, получает в сюжетной линии «Бережкова – Райский» (инварианте «отцы и дети») психологическую разработку в ироническом ключе: Райский называет бабушку «деспоткой» и «эгоисткой» (V, 225), поскольку она и его, взрослого человека, мечтает подчинить своей воле, а Бережкова искренне не понимает выросшего и возмужавшего внука и его упреки. Повествователь, а вслед за ним и Райский, с легкой иронией посмеиваются над Бережковой, которая, «если когда-нибудь и случалось противоречие, какой-нибудь разлад», «приписывала его никак не себе, а другому лицу, с кем имела дело, а если никого не было, так судьбе» (V, 231). С приездом же внука, который «соединил в себе и это другое лицо и судьбу, она удивилась, отнесла это к непослушанию внука и к его странностям»: «Станный, своеобразный человек» (V, 231), – говорила она.

Бабушке вторит младшая внучка Марфенька, для которой Райский «не

простой» (V, 260). Райский поначалу получает удовольствие от общения с Марфенькой. Глядя на ее «бабочкино порханье» (V, 293), как он определил инфантильные хлопоты девушки (такие, как кормление гусят и утят во дворе и исполненное такой же серьезности дарение старых платьев и башмаков деревенским женщинам), Райский стремится разглядеть характер девушки и задает ей приводящие ее в недоумение вопросы: «ужели тебе не приходит в голову что-нибудь другое, серьезное?», «А другою тебе не хочется быть?», «Ты читаешь книги, там говорится, как живут другие женщины <...>. Разве <...> не хочется тебе испытать этой другой жизни?..» и утверждает: «Нужны другие интересы, другие связи, симпатии...» (V, 170, 258, 259, 262). Ответ у Марфеньки один: «Нет, нет, я здешняя» (V, 259).

Герой сопоставляет Марфеньку с Софьей Беловодовой – также плоть от плоти своего образа жизни. При всей разительности контраста между дамой петербургского света и провинциальной простушкой герой находит общее в двух красавицах, усмотрев его в отсутствии внутреннего движения. В результате, постепенно, надежд на то, что Марфенька «вступит в другую пору жизни», у Райского не остается (V, 263). И уже сам герой настаивает на том, что Марфенька ни в коем случае не должна стать «другою», поскольку у нее «другое воспитание, другое воззрение»: «Боже тебя сохрани меняться, быть другою!» (V, 293, 268).

В поисках игры страстей Райский находит интерес «с другой стороны» (V, 242), наблюдая, в частности, за дво-

²¹ В.К. Фаворин, «О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова», *Известия АН СССР. Отд. лит. и языка*, 1950. Т. IX. Вып. 5, с. 353.

²² В.М. Маркович, «“Чужая” речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова “Обыкновенная история”», *Научные доклады высшей школы: Филологические науки*, 1982, № 2, с. 59.

ровой парой – Мариной и Савелием. «Крепостная Мессалина», как метонимически охарактеризовал ее сам писатель (VI, 523), оказала будущему мужу то же «благоклонное внимание», что и «прочим», в результате чего «с Савельем случилось то же, что с другими» (V, 246), – и он женился на Марине. Но повествователь, а вслед за ним и Райский, отдают Марине должное, видя в ней те качества, которыми не обладает ее окружение: «не было дела, которого бы она не разумела, где другому надо час, ей не нужно и пяти минут» (V, 244).

В отношении друга Бориса Райского – Леонтия Козлова – представления о «другом» обретают новую грань. Гимназический учитель, специалист в области классической филологии и античной истории, Леонтий и в жене Ульяне видел воплощение «строгого, чистого» идеала, напоминающего «римских женщин на классических барельефах» (V, 305). Ульяну брак с безмолвно обожающим ее Леонтием вполне устраивал: он с самого начала и не думал «ревновать ее к другим» (V, 199).

Райский неустанно работает над романом – «записывая кое-что <...>: черту, сцену, лицо, написал бабушку, Марфеньку, Леонтья с женой, Савелья и Марину» (V, 255). Герой «записал» и «эксцентрическую барыню» Крицкую, и понравившегося ему своей неугомонностью Викентьева (который «вместо того, чтоб погладить волосы, как делают другие, поерошил их»), и опустившегося Опенкина (V, 255, 326). Однако «Райский искал чего-нибудь другого» – и оставались «Марк, да еще Вера, как туманные пятна» (V, 293, 294). Но зна-

комство с изгоем, состоящим под надзором полиции, быстро разочаровало Райского, и он расстается с Волоховым с иронической метонимией: «Прощайте, русский... Карл Мор» (V, 272, 290).

Наконец Гончаров, как блистательный мастер романной интриги, на гребне ожиданий начинающего скучать Райского выводит на романную сцену Веру. Ее будущее появление было заявлено в самом начале 2-й части произведения, когда Бережкова, принимая комплимент внука по поводу своей красоты, говорит ему о настоящих красавицах, указывая на присутствующую Марфеньку и, прежде всего, на отсутствующую Веру, гостящую у подруги за Волгой: «таких ни в городе, ни близко от него нет. Особенно другая...» (V, 161). Обнаружив Веру в старом доме, Райский, ошеломленный ее красотой и еще больше потрясенный сдержанной глубиной и свободой ее суждений, захлебывается в вопросах и напористо стремится разгадать ее тайны, прежде всего стараясь узнать, есть ли у нее «здесь такой двойник» – «это другое сердце, другой ум, другая душа», и навязчиво предлагает «быть ее двойником» (V, 302, 303). Однако ключи от тайн Веры не давались ему в руки: он знал о ней только то, «что видели и знали другие» (V, 313).

Завершением 2-й части романа становятся сцены чрезвычайно эмоциональных объяснений Райского и Веры. Девушка убеждена, что если люди хотят быть друзьями, они будут «уважать свободу друг друга, не стеснять взаимно один другого», близкие люди должны «жить, не стесняя воли другого, не следя за другим» (V, 367). Гончаров подго-

тавливают читателя к тому, что Райский будет искать ответ на вопрос, откуда на нее «повеяло другим, не здешним духом!...» (V, 370).

Формируя подходы к сюжетной кульминации, автор показывает в 3-й части романа, как Райский и повествователь ощущают «другой воздух» Малиновки, видят «других людей» (V, 373). Герой ищет разгадку тайны Веры – «другого [«синего»] письма», в его голове и сердце пульсируют мысль и чувство, что страсть – это «другая жизнь среди жизни» (V, 432). Райский повторяет, что «Марфенька одно, а Вера другое» (V, 444). Но в ситуации «другого дела» он оказывается в трагикомическом положении, спровоцированном Ульяной Козловой (V, 455). Вместе с тем при встрече с Тушиным вопрос «Я и Другой», встающий перед Райским, обретает новые масштабы, да и Вера при встрече с Ту-

шиным видится Райскому новой Верой. Параллельно в романном видении мира предстает бабушка, которая «разделяла со многими другими веру в печатное слово» и, чтобы помочь Вере, обратилась к «аллегории» про Ричарда и Кунигунду (V, 483), но успеха не достигла. Наконец, в финале 3-й части мощными аккордами звучит мысль о свободе как «другом счастье» – у каждого человека своем (V, 511). Но эта мысль оказывается самой животрепещущей и самой тревожной.

Таким образом, структурно-композиционное сопоставление и стилистическое сравнение, лежащие в основе стилиобразования в романах Гончарова, обретают на обоих этих уровнях носителей стиля принципиально новые горизонты художественно-онтологического видения мира и человека в связи с проблемой Другого.

KITO MOTYVAS IVANO GONČIAROVO ROMANE „SKARDIS“ (FUNKCINIŲ MOTYVŲ FORMAVIMOSI RAŠYTOJO TRILOGIJOJE ASPEKTU)

Marija Loskutnikova

S a n t r a u k a

Straipsnio autorė nagrinėja *Kito* motyvo plėtojimą I. Gončiarovo romanuose, šio motyvo vaidmenį formuojant siužeto įtampą romane „Skardis“. Straipsnyje pateikiama šiuo klausimu egzistuojančių nuomonių analizė, išskiriami šio motyvo funkciniai ypatumai. „Paprastoje istorijoje“ ir „Oblomove“ *Kito* motyvas rodo, kaip herojų sąmonėje aktyvuojami pasaulio ir

savo būties jame apmąstymo procesai. Romane „Skardis“ *Kito* sąmonės motyvas siejamas su *laisvės*, kaip gyvenimo pozicijos, motyvu, taip pat ir su intuityviu žmogaus siekimu įgyvendinti savo poreikius, kurie neleidžia jam gyventi kitaip. Paskutiniame rašytojo romane išskyla įvairūs romano herojų palyginimai su *Kito* figūromis, kaip literatūros ir istorijos personažais.

Получено: 2012, октябрь

Принято: 2012, октябрь

Адрес автора:

Московский городской педагогический университет

Кафедра русской литературы и фольклора

2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корпус 2.

129226, Москва, Россия

E-mail: loskutnikova@umail.ru